

Бобров Леонид Александрович Leonid A. Bobrov

д.и.н., ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, доцент кафедры археологии и этнографии, Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

Doctor of History, Leading Researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University, Russian Federation

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТАКТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА АМИРА ТЕМУРА

AMIR TEMUR TAKTIK SAN'ATINING AYRIM XUSUSIYATLARI TO'G'RISIDA

SOME PECULIARITIES OF AMIR TEMUR'S TACTICAL ART

Военное искусство Амира Темура (1336–1405) по праву признается специалистами высшей стадией развития традиционного военного дела средневекового населения Мусульманского Востока. Военно-культурное наследие великого завоевателя, а также его политических преемников и противников, продолжает оставаться актуальным направлением современных научных исследований в Узбекистане, России, Великобритании, США и других странах (Gorelik, 1979, p. 40-50; 60-63. Nicolle, 1990, p. 3-63; Roux, 1991; Бобров, Худяков, 2002, с. 110-113, 143-147, 150; Ибяттов, 2003; Миргалеев, 2003, с. 3-88; Миргалеев, 2007, с. 3-108; Йазди, 2008, с. 3-10; Kadoi, 2010, s. 143-162; Миргалеев, 2011, с. 170-182; Бобров, 2011, с. 21-24, 33, 34, 42, 44; Бобров, 2015, с. 111-134; Бобров, 2016б, с. 247-263; Бобров, 2018, с. 23-62; Бобров, Хайдаков, 2019, с. 125-145; Бобров, 2020, с. 108-119). Однако профильная проблематика изучена весьма неравномерно. Так, если военная история Темура неоднократно привлекала внимание исследователей, то некоторые другие вопросы изучены в значительно меньшей степени. К их числу относится и тактическое искусство некоронованного владыки Мавераннахра¹⁴.

¹⁴ Учитывая, что современная боевая практика существенно отличается от военных реалий эпохи Средневековья, особо оговоримся, что здесь и далее под тактикой мы понимаем составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Основными компонентами тактики являются боевой строй и тактические приемы ведения сражения. Дополнительными элементами тактики являются подготовка сражения, развертывание войск (переход от походного строя в боевой), тактическая разведка, организация отступления, преследование войск отступающего противника, военные хитрости и др.

Изучение тактики армий Амира Темура и его преемников возможно на основе комплексного анализа письменных, вещественных и изобразительных источников. Основными письменными источниками по данной теме являются «Зафар-наме» («Книга Побед») Низам ад-Дина Шами (завершена в 1404 г.) и, особенно, «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди (завершена в 1424-1425 гг.). Данные произведения содержат достаточно подробные описания походов и сражений Амира Темура. Основой для обоих текстов «Зафар-наме» послужили «придворные дневники времен Амира Темура», отчеты чагатайских военачальников, сообщения участников и современников описываемых событий, а также другие источники (Золотая Орда, 2003, С. 307, 367; Йазди, 2008, С. 3, 4). Ценные сведения о военном деле чагатайской армии содержат также «Дневник похода Темура в Индию» Гийасаддина Али, «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1405-1406)» испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо, «Аноним Искандера» Муин ад-Дина Натанзи (составлен в 1413-1414 гг.), сочинения «Чудеса предопределения в судьбах Темура» Шихабеддина Ахмеда ибн Мухаммеда, более известного под именем Ибн Арабшаха (1388-1450) и некоторых другие произведения.

К сожалению, объем настоящей публикации не позволяет всесторонне проанализировать тактическое искусство Амира Темура (данная тема достойна отдельного монографического исследования), поэтому мы остановимся лишь на некоторых аспектах, связанных с особенностями боевого построения и тактических приемов чагатайской армии последней трети XIV – начала XV вв.

Становление Темура как полководца пришлось на начальный период распада Имперско-Чингизидской военно-культурной традиции, которая в XIII – первой половине XIV вв. доминировала на просторах Евразии от восточноевропейских степей до Великой Китайской равнины и от южных районов Западной и Центральной Сибири до Ирана, Мавераннахра и Моголистана. Несмотря на некоторые кризисные явления, проявившиеся в середине XIV в., Имперско-Чингизидская модель военного искусства продолжала оставаться образцом для большинства степных народов Евразии и многих сопредельных территорий.

За полтора столетия, прошедших с момента Монгольского нашествия представители оседлых народов тщательно изучили вооружение, военную организацию и тактику номадов, однако последние продолжали оставаться исключительно опасным противником, что наглядно продемонстрировали битвы на р. Пьяне (1377 г.), в Чуколакской степи (1387 г.), р. Ворскла (1399 г.), сражение при Солхате (1432 г.), Тумуская битва (1449 г.) и др. При этом, победы над кочевниками давались подчас весьма дорогой ценой (Куликовская битва 1380 г., Кондурчинское сражение 1391 г., битва у р. Терек 1395 г. и др.).

В этих условиях перед Темуром стояли две важных задачи. Первая заключалась в том, чтобы максимально эффективно использовать имевшийся в его распоряжении мобилизационный ресурс, представленный как кочевым, так и оседлым населением Мавераннахра и сопредельных земель. Кроме того, защита и расширение границ государства были невозможны без выработки

эффективных тактических схем противодействия коннице номадов на просторах Евразийской степи.

Доминирование кочевников в полевых сражениях XIII–XIV вв. основывалось на высокой мобильности (которую обеспечивал великолепный конский парк), массированном применении мощных сложносоставных луков (преимущественно «монгольского типа» и их дериватах), эффективной военной организации, высоком уровне дисциплины, качественной системе управления войсками, а также весьма совершенных (для своего времени) тактических приемах ведения боя. Среди последних можно выделить *тулгаму*, *шуучи*, притворное бегство, цепи конных лучников, а также связанный с ними прием «Воронья стая» и др. (Бобров, 2013, С. 321-258; Кушкумбаев, Бобров, 2013, С. 5-47; Бобров, Сальников, 2015, С. 786-797; Бобров, 2016, С. 210-388).

Наибольшую опасность для обороняющейся армии представляла *тулгама* – тактический прием, который предусматривал охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям (рис. 1). Охват фланга конными стрелками вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим (рис. 1а), что приводило к нарушению боевых порядков, но не решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских воинов стрелами, как с фронта, так и с фланга, и с тыла (рис. 1б). В случае необходимости номады повторно обходили войска противника с фланга, что еще более усиливало неразбериху в его рядах (рис. 1в). Контратаки обороняющихся не приводили к желаемому результату, так как легкие степные лучники уходили из под удара конницы противника, а затем снова возвращались на поле боя (рис. 1 б, в). При этом вражеские отряды, вынужденные совершать непредусмотренные планом боя развороты и перестроения под ливнем стрел, неизбежно нарушали строй. В конечном счете это приводило к смешению рядов и отступлению обороняющихся войск (рис. 1г) (Бобров, 2013, С. 237-241; Кушкумбаев, Бобров, 2013, С. 13, 14, 44; Бобров, Сальников, 2015, С. 786-797; Бобров, 2016, С. 247-255).

Представляется возможным выделить три основных разновидности рассматриваемого тактического приема, применявшихся кочевниками: правофланговая, левофланговая и парная (двойная) *тулгама* (Бобров, 2016, С. 247-254). Наиболее типичной являлась правофланговая *тулгама*, при выполнении которой номады атаковали левое крыло противника своим правым флангом (рис. 1). Доминирование данной разновидности маневра вполне объяснимо, так как в этом случае атакующие лучники могли беспрепятственно вести стрельбу по врагу из максимально удобного положения (влево-вперед, влево, и влево-назад), что было бы затруднительно, если бы противник находился справа от атакующей конницы¹⁵. Тем не менее, в некоторых случаях, чтобы маневр был неожиданностью для обороняющегося врага, он

¹⁵ Для стрельбы по противнику, находящемуся справа, конному лучнику пришлось бы удерживать лук правой рукой, или изгибать корпус, оттягивая тетиву лишь до груди, а не до щеки или до уха.

осуществлялся левым флангом (левофланговая *тулгама*), или двумя флангами одновременно (парная *тулгама*). В последнем случае армия противника могла быть взята в кольцо (Бобров, 2013, С. 237-241; Кушкумбаев, Бобров, 2013, С. 13, 14, 44; Бобров, Сальников, 2015, С. 786-797; Бобров, 2016, С. 247-255). Следует также подчеркнуть, что *тулгама* могла осуществляться как фланговыми отрядами, так и всей армией целиком (рис. 1).

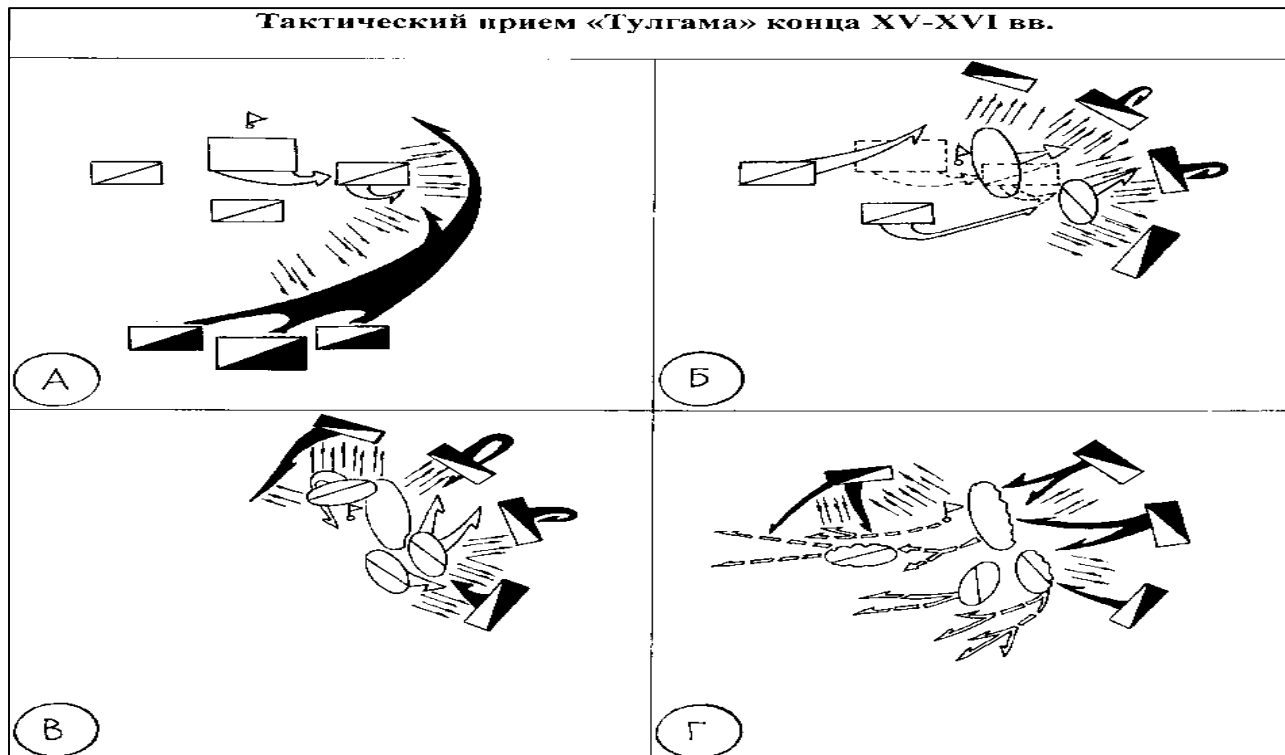

Рис. 1. Правофланговая тулгама на примере сражения у Ходжа Кардзана в 1501 г. (схема). Внизу – узбекские войска Мухаммеда Шейбани. Вверху – тимуридская армия Захир ад-Дина Бабур.

Тактический прием *тулгама*, исполняемый многочисленной и хорошо подготовленной степной конницей, блестяще работал и до Темура, и после него, в чем наглядно смог убедиться его потомок Захир ад-Дин Мухаммад Бабур в сражении с узбеками Мухаммеда Шейбани у Ходжа Кардзана в 1501 г. (Бобров, 2013, С. 237-241).

Исключительная боевая эффективность *тулгама* вынудила военных теоретиков и практиков Европы и Азии начать поиски мер по противодействию данному маневру кочевников. Однако подобрать «противоядие» для *тулгама* в рамках традиционной средневековой тактики оказалось крайне сложно. Опираясь на превосходство в мобильности и дистанционном бою, номады могли раз за разом безнаказанно повторять маневр, ускользая из-под контрударов противника и обрушивая на него ливень стрел (рис. 1б, в). В подобных условиях фронтальные атаки, фланговые прорывы, разворот фронта и некоторые другие тактические приемы, как правило, не приводили к желаемому результату (битвы

на Ворскле в 1399 г., у Сыгнака в 1427 г., у Ходжа Кардзана в 1501 г., у Панипата в 1526 г. и др.).

Самые действенные (в условиях развитого Средневековья) приемы борьбы с *тулгана* были сформулированы еще Плано Карпини в середине XIII в. Он, в частности, подчеркивал, что европейским полководцам, намеревающимся сразиться с монголами, следует располагать армию так, чтобы ее тыл и фланги были прикрыты лесом: «...с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы татары не могли проникнуть между войском и лесом» (Плано Карпини, 2008, С. 67). Действительно, использование особенностей поля боя и рельефа местности, когда фланги обороняющейся армии были прикрыты густым лесом, болотом, рекой, горами, существенно сокращали эффективность *тулгана*, а то и вовсе делали его реализацию невозможной. Грамотное расположение войск в таких условиях давала обороняющимся шанс опрокинуть кочевников в ходе фронтального сражения. Так, например, согласно версии М. Стрыйковского, именно прикрытые фланги и хитроумное шестичастное построение войск позволило князю Ольгерду избежать татарской *тулганы* и, в конечном счете, выиграть битву на Синих водах в 1362 г. (Strykowski, 1846, S. 6, 7). В Куликовской битве 1380 г. лесистая местность максимально затруднила действия золотоордынской конницы. Последней (согласно традиционной версии сражения) все-же удалось совершить правофланговую *тулгану* и прорваться между русским полком левой руки и Зеленой дубравой. Однако подобная возможность была предугадана полководцами московской армии. Скрытый в Зеленой дубраве засадный полк нанес мощный удар во фланг и в тыл татарской коннице и, тем самым, решил участь битвы.

Тем не менее, несмотря на достаточно высокую эффективность, подобный способ защиты от *тулгана* в наибольшей степени подходил для сражений на пересеченной местности. В условиях степного театра боевых действий он, как правило, был малоэффективен.

Плано Карпини понимал этот нюанс, поэтому предлагал альтернативный способ борьбы с маневрами кочевников: «Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды татар, сзади, справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда, ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине: отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение» (Плано Карпини, 2008, С. 67). Таким образом, Плано Карпини предлагал сочетать тактическую разведку с автономными корпусами, которые должны были действовать на опережение и перехватывать кочевников еще до того, как они замкнут кольцо окружения.

Однако сказать оказалось легче, чем сделать. Особенности военной организации большинства средневековых армий вкупе с низким уровнем дисциплины не позволяли основной массе европейских и азиатских полководцев воплотить идеи Плано Карпини в жизнь. К числу немногочисленных примеров успешной реализации подобной тактической схемы можно отнести боевую практику Амира Темура. Постоянно сталкиваясь с *тулганой* кочевников,

великий завоеватель разработал достаточно сложную, но эффективную тактическую комбинацию, основанную на сочетании малых караулов, усиленных фланговых авангардов (*канбулов*) и мощных автономных резервных корпусов¹⁶.

В задачи подразделений тактической разведки входила слежка за передвижениями войск кочевников. При первых признаках начала маневра *тулгана* воины караулов должны были сообщить об этом армейскому командованию. Главная роль в отражении маневра *тулгана* отводилась *канбулам*. Последние представляли собой особые войсковые соединения, расположенные на самом краю боевого построения армии – впереди и немного под углом к основным фланговым корпусам (рис. 2). Таким образом, на *канбулы* были возложены функции авангарда фланга и, одновременно, флангового охранения. Главной тактической задачей *канбулов* был перехват вражеских войск еще на подходе к главным чагатайским позициям, чтобы не позволить кочевникам совершить обходной маневр. Многочисленный тактический резерв страховал и поддерживал *канбулы* и фланговые группы на случай, еслиномадам все же удастся обойти или прорвать основную линию боевого построения чагатайских войск (рис. 2).

В литературе встречается мнение, что *канбулы* были впервые применены Темуром в Кондурчинской битве в 1391 г. В действительности это не так. Еще в 1365 г. при сражении с кочевниками-моголами 29-летний Темур и Хусайн-бек снабдили два своих *кула* мощными фланговыми *канбулами* (Йазди, 2008, С. 38).

Отметим, что Амир Темур не был изобретателем *канбулов*, но он существенно усилил их, что изменило традиционный баланс боевого построения чагатайской армии (Бобров, 2018, С. 27, 28). Со временем *канбулы* в его войсках стали достигать столь внушительных размеров, что из флангового охранения/авангарда превратились в самостоятельный армейский корпус-*кул*, способный решать важные тактические задачи (Бобров, 2018, С. 27, 28, 40-44).¹⁷ Так, например, левофланговый *канбул* в битве на Кондурче составляли целых два *тумена* всадников под командованием Бердибека и Худайдада (Бобров, 2018, С. 28). Вероятно, схожую организацию и численность имел и правофланговый *канбул*, во главе которого стояли Хаджи Сейф ад-Дин и Джаханшах-бахадур (Бобров, 2018, С. 27, 28).

¹⁶ Очевидно, что данная идея Амира Темура основывалась не на сочинении Плано Карпини, а на осмыслении собственной боевой практики, а также опыта своих предшественников. Тем не менее, значительный интерес представляет тот факт, что военные теоретики и практики разных регионов Евразии, поставленные перед задачей выработки тактических схем противодействия коннице кочевников, действующей в рамках Имперско-Чингизидской военно-культурной традиции, приходили к весьма схожим выводам. Принципиально новый способ борьбы с *тулгемой* будет предложен лишь в позднем Средневековье. Он будет основываться на сочетании действий конницы с полевой артиллерией и многочисленной пехотой, вооруженной огнестрельным оружием и укрывшейся за стенами «тележной крепости» - *вагенбурга, табора* (Бобров, 2016, С. 254, 255).

¹⁷ *Кул* – временное автономное оперативно-тактическое соединение (тактический корпус), создаваемое на период проведения сражения, похода, реже отдельной военной кампании. Высшая тактическая единица армии Темура. Состоял из отдельных отрядов – *кошунов*. Численность воинов, составляющих *кул*, могла существенно варьироваться. По данным М.В. Горелика *кул* традиционно насчитывал от 1 тыс. до 8 тыс. бойцов (Горелик, 2002. С. 31). В Кондурчинской битве третий (резервный *кул*) состоял из 20 *кошунов*, а седьмой *кул* (левофланговый *канбул*) из двух *туменов* (максимум 20 тыс. воинов).

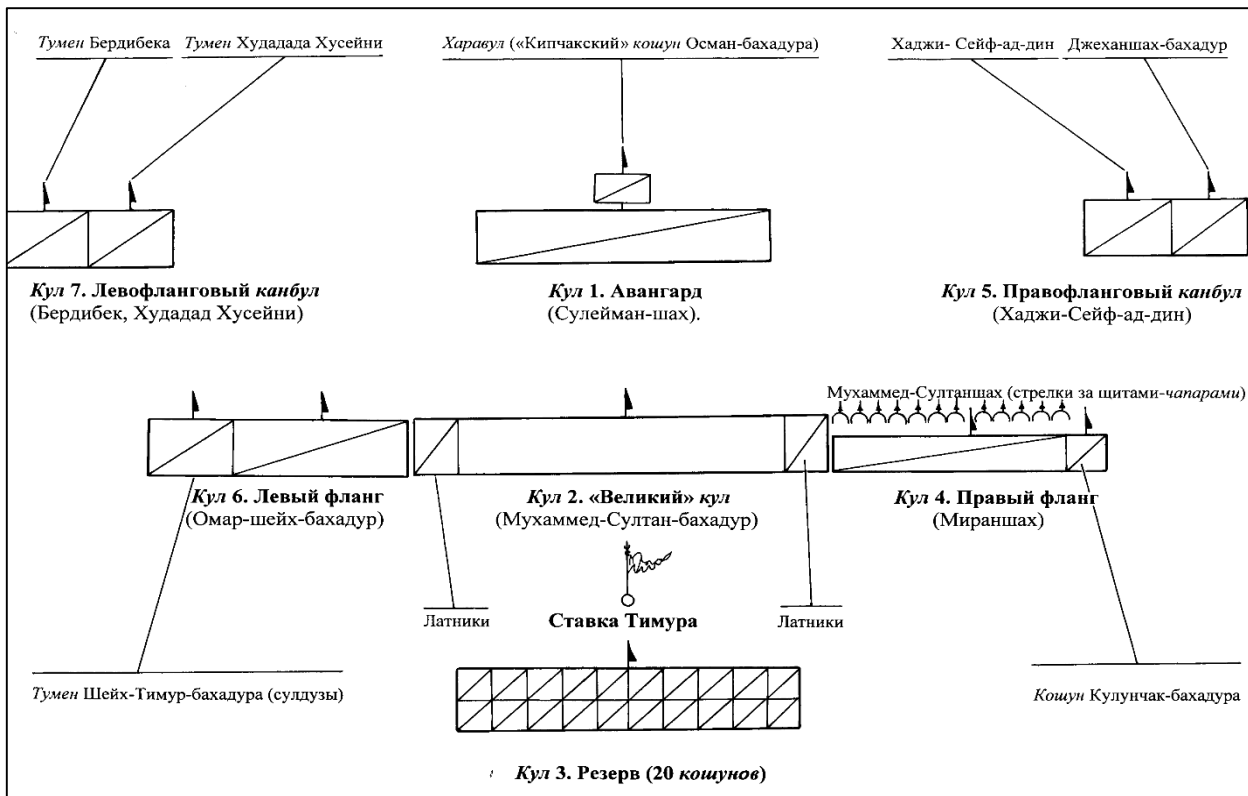

Рис. 2. Боевой порядок армии Амира Темура в Кундурчинской битве (1391 г.).

Наличие двух командиров в составе одного армейского корпуса позволяет предположить, что *канбул* был двухчастным, а формирующие его соединения могли располагаться в два эшелона, возможно, под углом друг к другу. Во всяком случае, в ходе Кундурчинской битвы упомянутый корпус Хаджи Сейф ад-Дина прервал левофланговую *тулгаму* золотоордынцев (рис. 3а, 1,2), а Джеханшах-багатур смог выручить самого Хаджу Сейф ад-Дина, когда его войскам стало грозить окружение (рис. 3а, 3) (Бобров, 2018, С. 40, 41, 43, 44). То есть, части *канбула* вводились в бой последовательно. При этом резервная часть соединения страховала и поддерживала своих товарищей, уже вступивших в бой (рис. 3; 4).

В целом, необходимо отметить, что предложенное Амиром Темуrom тактическое решение оказалось исключительно эффективным. Ни в одной битве, где были использованы усиленные *канбулы*, кочевникам не удалось охватить фланги чагатайской армии.

Будучи ключевым элементом защиты флангов в ходе оборонительного сражения, *канбулы*, в то же время оказались весьма востребованы и при ведении наступательного боя. В этом случае *канбулы* находились на острие атаки, и, как показала боевая практика последней трети XIV – начала XV вв., могли самостоятельно начинать и проводить описанный выше маневр *тулгана*, заключающийся в охвате флангов противника.

Таким образом, в рамках условной антропологической аналогии, *канбулы* можно сравнить с предплечьями и кулаками боксера. Первые использовались для блокирования ударов противника, вторыми наносился мощный «хук» справа или слева, повергавший врага в нокаут.

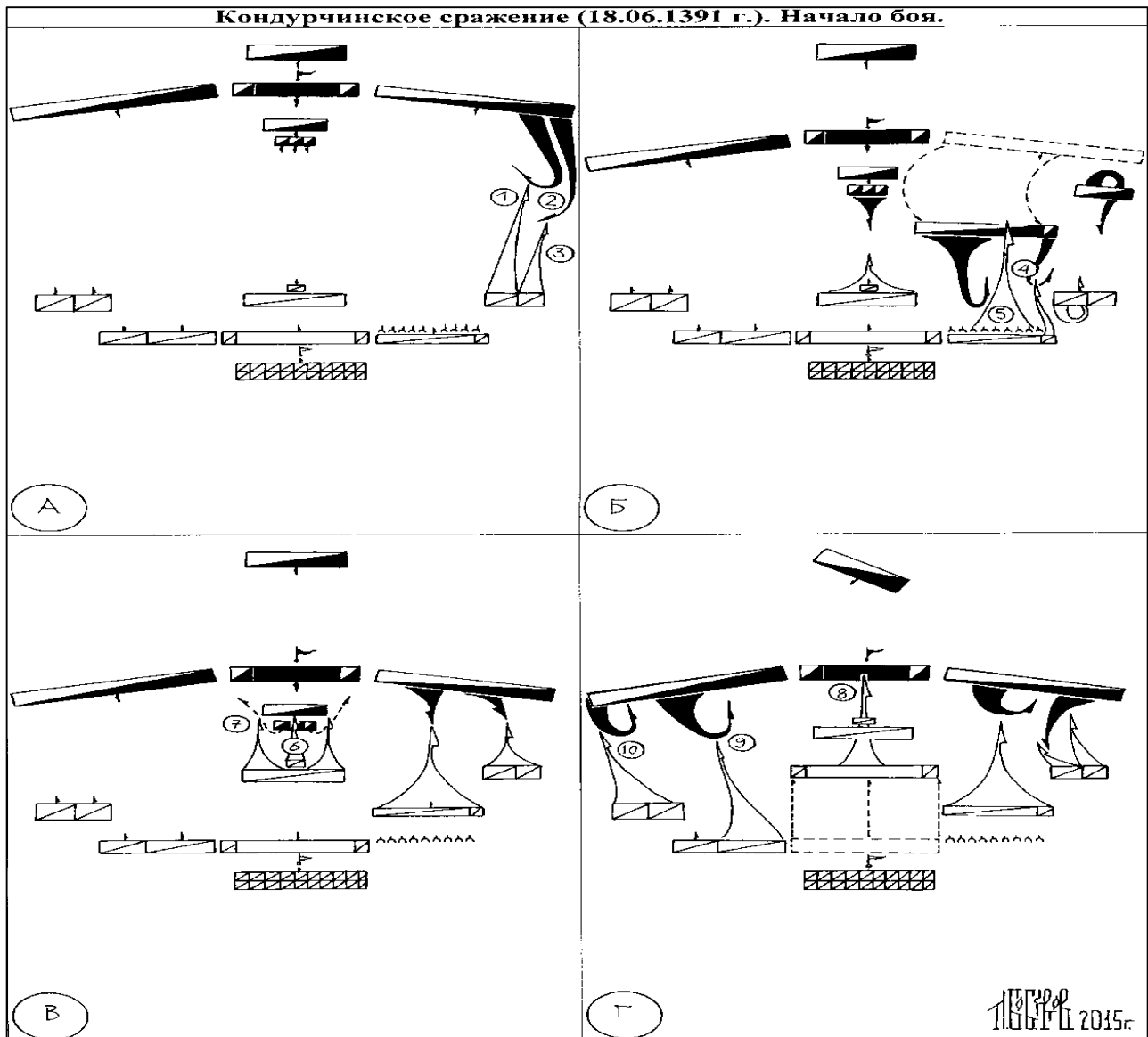

Рис. 3. Кондурчинское сражение. Начало боя.

Другим важным тактическим нововведением Темура был усиленный авангардный *кул* (*Манглай*¹⁸). Согласно распространенной боевой практике кочевников авангардные части формировались из легких конных лучников. Они завязывали сражение, «размягчали» боевые порядки противника интенсивной лучной стрельбой, провоцировали его на неподготовленную атаку. Амир Темура изменил подобную схему весьма радикальным образом. Авангард его армии стал состояться из отборных (в том числе элитных) хорошо вооруженных подразделений, способных эффективно вести не только дистанционный, но и ближний бой. Так, например, в Кондурчинской битве 1391 г. авангардный *кул* Темура состоял из *харавула*¹⁹ под командованием Осман-бахадур, гвардии чагатайского хана (формального правителя государства) Султан-Махмуда ибн

¹⁸ Под таким названием чагатайский авангард фигурирует в тюркском списке «Зафар-наме» (Йазди, 2008. С. 144, 267, 366, 367).

¹⁹ *Харавул* - передовой отряд. Аналогом *харавула* в русском военном искусстве был «сторожевой полк».

Суюргатмиша²⁰ и элитного *тумена* Сулейман-шаха (Бобров Л.А., 2018, С. 25, 30, 32, 33). Последний являлся также командиром всего авангардного *кула* (Золотая Орда, 2003, С. 298, 347, 370; Йазди, 2008, С. 147, 403; Бобров, 2018, С. 25, 30). Описывая этот «царский» *кул*, Шараф ад-Дин Али Йазди подчеркивает, что он «...весь состоял из людей боевых и храбрецов, владеющих мечом», его воины «...все были бахадурами с известными именами» (Золотая Орда, 2003, С. 347; Йазди, 2008, С. 147).

Подобный усиленный авангардный *кул* выполнял в сражении роль тактического «волнореза», о который разбивались атакующие «волны» легких лучников кочевников²¹. Он не позволял номадам приблизиться к центру боевого построения чагатайской армии, что резко снижало потенциал фронтальной атаки противника (рис. 2; 3).

Третьей важной особенностью боевого построения армии Амира Темура был мощный тактический резервный корпус-*кул* (2; 3; 4). Обычно исследователи подчеркивают его многочисленность. Так, например, чагатайский резерв в битве под Кондурчой составляли 20 *кошунов*, в битве у р. Терек – 27 *кошунов*, сражении при Анкаре – 40 *кошунов*. Однако зная среднюю численность *кошуна*, сложно назвать резервный *кул* очень многочисленным. На наш взгляд, сила резервного *кула* была обусловлена не столько его численностью, сколько качеством составляющих его воинов, а также тактическими особенностями применения данного корпуса. Шараф ад-Дин Али Йазди сообщает, что в Кондурчинской битве: «20 *кошунов* людей отважных, *выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды*, он [Темур] оставил при себе и стал *отдельно позади главного корпуса* с тем, чтобы во время самого разгара сражения, когда храбрецы с обеих сторон схватятся друг с другом, если у одной из частей его победоносного войска будет нужда в подкреплении, он будет готов к помощи и снаряжен к делу» (Золотая Орда, 2003, С. 347, 348; Бобров, 2018, С. 26, 28).

Подобное описание позволяет предположить, что резервный *кул* был составлен из отборной тяжеловооруженной (?) конницы «бахадуров, прорывающих ряды». В состав резервного *кула*, вероятно, входил и *кошун кавчинов* («из рода особой тысячи») – личная гвардия Темура (Йазди, 2008, С. 165, 410, 411; Бобров, 2018, С. 26, 28). Резерв находился под его непосредственным командованием и располагался позади центрального («великого») корпуса (*Улуг-кул*). Это было элитное ударное соединение, способное в решающий момент оказать помощь чагатайским войскам на любом участке сражения (Бобров, 2018, С. 26, 28).

²⁰ В тексте «Зафар-наме» ханская гвардия, фигурирует как «Войско Султан Махмуд-хана» (Золотая Орда, 2003, С. 370; Йазди, 2008, С. 142). Установить точную численность гвардейского «войска» в Кондурчинской битве затруднительно. Возможно, что, как и в случае с гвардейским *кошуном* самого Темура ханский отряд насчитывал 1 тыс. воинов. Однако в сообщении Йазди, посвященном событиям военной кампании 1389 г., упоминается «туман Султана Махмуд-хана» (Йазди, 2008, С. 136). Не исключено, что и в походе 1391 г. были задействованы части данного «ханского» *тумена*, кроме тех отрядов, которые остались в Мавераннахре в качестве охраны дворца номинального главы государства.

²¹ Характерно в данной связи, что в упомянутой Кондурчинской битве кипчакский *кошун* Осман-бахадур смог опрокинуть три противостоявших ему золотоордынских *кошуна*.

Концентрация отборных подразделений в составе *канбулов*, авангарда и резерва формировала надежный каркас боевого построения, практически ликвидируя опасность флангового охвата и, в меньшей степени, фронтального прорыва центра (рис. 2). Однако у данного тактического решения имелись и уязвимые стороны. Усиливая *канбулы* и авангард, Темура невольно ослаблял центральный корпус и, особенно, фланги. И если *Улуг-кул* был прикрыт мощным авангардом-*мангалаем*, то вот фланговым *кулам* в случае массовой фронтальной атаки противника грозила немалая опасность. Характерно, что именно левофланговые корпуса будут прорваны золотоордынскими войсками, как в сражении на Кундурче в 1391 г. (рис. 4), так и на Тереке в 1395 г.

Амир Темура осознавал указанные риски и предпринял ряд мер, которые должны были уменьшить опасность прорыва флангов. Первым ответом стал резкий рост значения ведения оборонительного боя в пешеходных порядках. Это достигалось как увеличением численности и качества собственно пехотных (преимущественно стрелковых) контингентов набранных из числа оседлого населения Мавераннахра и Хорасана²², так и внедрением практики массового спешивания кавалерийских подразделений.

Подчеркнем, что Амир Темура не был изобретателем практики спешивания конных лучников в ходе сражения. Данная тактика применялась хуннами, сяньби, древними тюрками, сеяньтосцами и другими народами Великой степи еще в эпоху поздней Древности и раннего Средневековья (Кушкумбаев, Бобров, 2013, С. 11-13; Бобров, 2016, С. 281). Весьма заметное место она занимала и в военной практике монголов XIII в. Об искусстве пешей лучной стрельбы воинов Чингиз-хана и его преемников свидетельствуют, как европейские (Плано Карпини, Марко Поло), так и азиатские авторы (Пэн Да-я, Сюй Тин, составители «Юань ши» и др.) (Кушкумбаев, Бобров, 2013, С. 11-13).

Однако своего наивысшего развития рассматриваемая боевая практика достигла именно в военном искусстве Амира Темура. Чагатайские воины второй половины XIV – начала XV вв. научились эффективно сочетать массированную пешую стрельбу со стремительным кавалерийским натиском, что неоднократно приносило им победы, как в относительно небольших авангардных и арьергардных боях, так и в масштабных полевых сражениях. В большинстве случаев спешенные лучники применялись для отражения вражеской атаки. Концентрированный лучной удар останавливал порыв вражеских войск и создавал предпосылки для осуществления контратаки проводившейся силами кавалерийских подразделений. Объектом массовой стрельбы пешеходов и спешенных лучников могла быть, как конница, так и пехота противника. Причем в ходе сражения пешеходы и конные лучники взаимодействовали друг с другом.

²² Данный факт существенно отличал армию Темура от монгольских войск XIII в., в которых пехота набиралась из покоренных народов и почти всегда играла вспомогательную роль.

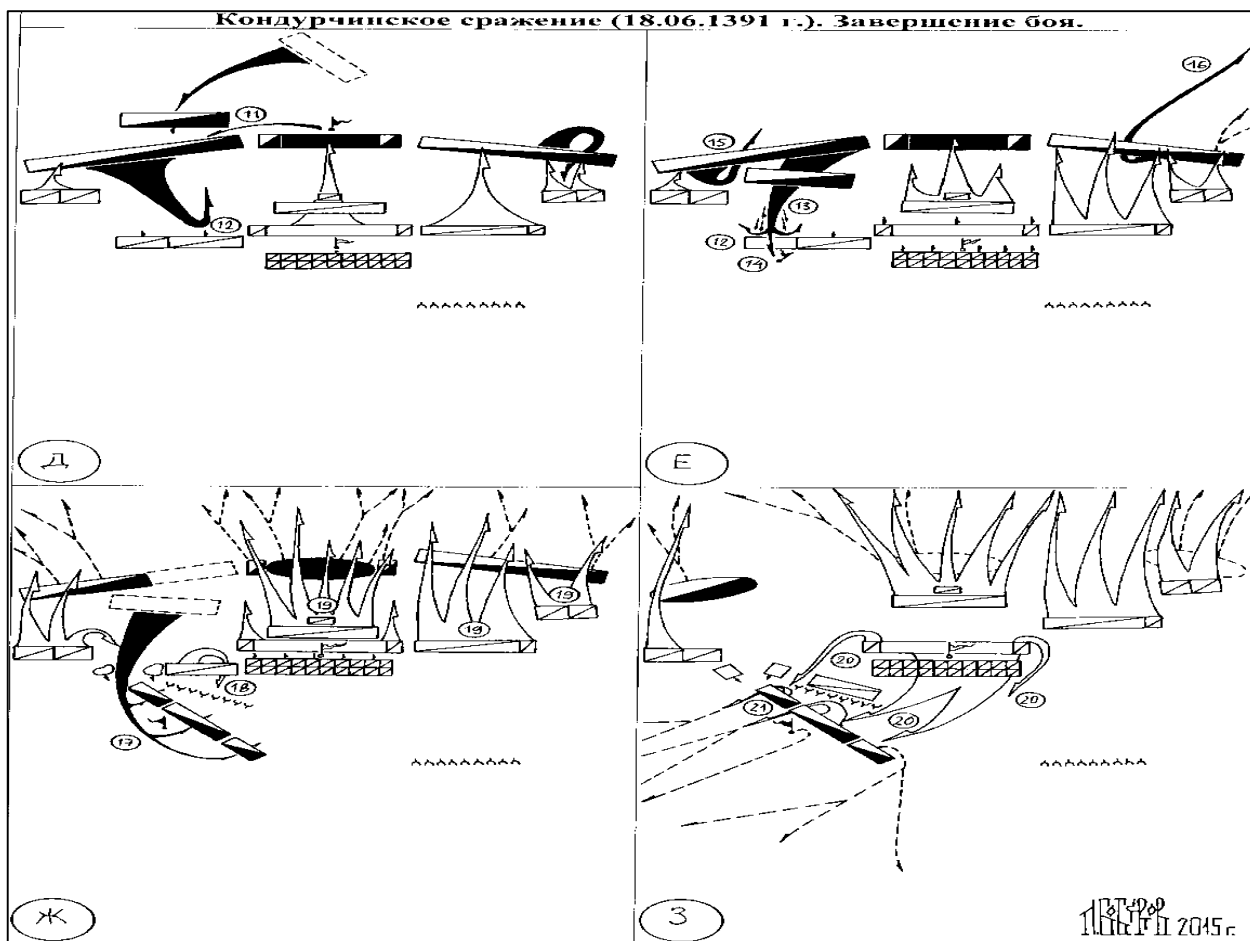

Рис. 4. Кондурчинское сражение. Завершение боя.

Вероятно, самым ранним примером использования подобной тактики Темуром является сражение в Куббаи Матинг в 1364 г. Впоследствии ее активно и успешно применяли полководцы великого завоевателя: Джаханшах-багатур, Сулейманшах, Ядгар барлас, Шамс ад-Дин Аббас и Гияс ад-Дин Тархан и др.

Интересно, что спешивание конных лучников использовалось не только для ведения боя от обороны, но, в некоторых случаях, даже при преследовании отступающего противника. Так, например, в 1393 г. небольшой чагатайский отряд, применяя тактику спешивания и лучной стрельбы, эффективно преследовал гораздо более многочисленного врага, противодействуя его попыткам контратаковать в конном строю: «Ийбадж Оглан из рода Джучи, Джалал Хамид, Усман Бахадур, Шайх Арслан, Саййид Ходжа, сын Шайх Али Бахадур, и другие беки туменов и бахадур, – всего сорок пять человек, в воскресенье двадцать второго дня месяца (31.08.1393) в степи Кербелы догнали Султан Ахмада. Те сорок пять человек все были беки и бахадур и их кони были уставшими. С Султан Ахмадом было две тысячи человек. Из них двести повернули назад и, обнажив сабли, вступили в бой с этими. Беки сошли с коней, взяли в руки луки со стрелами и ударами стрел отогнали их и сели на коней и стали заново преследовать врагов. Те опять вернулись, чтобы сразиться. А беки опять сошли с коней и стрелами отогнали врагов» (Йазди, 2008, С. 171, 172).

Для защиты спешенных воинов от стрел противника использовались круглые ручные щиты, крепившиеся кожаными ремнями на левом предплечье. Еще более надежную защиту обеспечивали большие щиты *чапар* и *тура*, за которыми стрелок мог укрыться почти целиком. Последний факт существенно снижал эффективность стрельбы атакующих конных лучников противника, которые в свою очередь являлись превосходной мишенью для обороняющихся пеших и спешенных стрелков (Бобров, Худяков, 2008, С. 500–503, 509; Кушкумбаев, Бобров, 2013, С. 11, 13; Бобров, 2018, С. 26, 27, 50).

Вовремя Кондурчинской битвы 1391 г. впереди правофлангового *кула* Мираншаха были выстроены подразделения пеших (спешенных?) воинов, снабженных станковыми щитами: «На правом крыле он [Темур] выстроил другой корпус, увенчав его победным знаменем мирзы Мираншаха; впереди находился царевич Мухаммед-Султаншах, *готовый к бою с окопными щитами и турами*» (Золотая Орда, 2003, С. 348). Возможно, что именно наличие спешенных стрелков вынудило золотоордынцев отказаться от прорыва правого фланга чагатайской армии.

В сражении у р. Терек в 1395 г. для защиты ставки Темура чагатайские воины спешивались и отбивали атаки золотоордынской конницы с помощью лука и стрел. Так как станковых щитов под рукой в этот раз не оказалось, пешие стрелки использовали в качестве защиты деревянные борты трех захваченных арб. Один за другим отряды армии Темура подходили к месту схватки, спешивались и открывали стрельбу по противнику. В том же сражении у р. Терек оборонительный лучной бой, но уже с применением щитов, вел и правофланговый *канбул* армии Темура, которым командовал Хаджи Сейф ад-Дин. Интенсивный лучной бой под прикрытием щитов позволил спешенным воинам Хаджи-Сейф-ад-дина продержаться до похода корпуса Джеханшах-бахадур. Координируя действия своих туменов, военачальники Темура отбили атаку ордынцев (Бобров, 2015, С. 123, 125; Бобров, 2016, С. 255, 256).

Описанная боевая практика неоднократно приносила успех войскам Темура и его полководцев, однако в случае значительного перевеса противника построения пеших и спешенных лучников могли быть прорваны. Так, например, в Кундурчинском бою элитная конница хана Тохтамышша после серии атак сумела опрокинуть *тумен* сулдузов (рис. 4е 12–14, ж17).²³ И здесь мы должны зафиксировать еще одну особенность тактического и организационного гения Амира Темура – автономность армейских корпусов-*кулов*. Каждый из них мог вести бой самостоятельно, в том числе в окружении. Для этой цели в состав *кула* могли включаться как кавалерийские, так и пехотные подразделения, что обеспечивало гибкость действий корпуса на поле боя. Крупнейшие *кулы* могли

²³ В упомянутом прорыве участвовала военная элита Золотой Орды во главе с самим Тохтамышем «в сопровождении большого числа эмиров и храбрецов», а также «...всеми у кого была имя и честь». Сулдузский *тумен* Шейх-Темур-бахадур встретил наступающих ордынцев ливнем стрел. Однако «храбрецы» Тохтамышша иступленно «ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть не отступали, а раз за разом, с мечами и метательными копьями, повторяли свои атаки» одна из которых и увенчалась успехом (Золотая Орда..., 2003. С. 349; Бобров, 2018, С. 53).

выделять из своего состава специальные фланговые отряды, превращавшие *кул* в самостоятельное боевое построение внутри общих боевых порядков армии.²⁴

Важную роль в повышении боеспособности вооруженных сил Мавераннахра играли и особенности военной организации армии Темура. Высший командный состав чагатайских войск был тщательно подобран и воспитан самим великим завоевателем. Преданность Темуру сочеталось у командиров *кулов* с личным мужеством, тактическим мастерством и значительным боевым опытом. При этом инициатива и взаимовыручка военачальников в ходе сражения всемерно поощрялись некоронованным владыкой Средней Азии, что создавало особый дух доверия и товарищества среди высшего командного состава его армии (Бобров, 2016; Бобров, 2018; Бобров, 2020). В результате командиры обороняющихся корпусов были уверены в том, что они получают поддержку от соседних *кулов* и *кошунов*. В свою очередь они были готовы в нужный момент прийти на помощь своим соседям по боевому построению. В этих условиях прорыв фронта, как правило, не приводил к панике и бегству обороняющихся войск, как это было во многих других армиях рассматриваемого периода.

В данной связи весьма показательны действия чагатайских войск в вышеупомянутом сражении с золотоордынцами на Кондурче. В самый разгар битвы хан Тохтамыш прорвал левый фланг среднеазиатской армии, развернул свои отряды, выстроил «в строгом порядке центр и крылья» и приготовился атаковать чагатаев с тыла (рис. 4 е, ж). Однако тут же выяснилось, что левофланговый *кул* армии Темура отнюдь не собирается разбежаться. Его командир Омар-шейх действовал быстро и жестко. Он хладнокровно развернул часть своего корпуса лицом к ордынцам, выдвинул вперед спешенных стрелков со станковыми щитами и, «зажег огонь сражения», контратаковал врага: «...пошел напротив Токтамыша; [его воины] *прикрыли головы щитами и турами* и стали биться» (Йазди, 2008, С. 148). В результате, Омар-шейху удалось отбить все атаки золотоордынцев и даже потеснить армию Тохтамыша еще до подхода главных сил Темура (Бобров, 2015, С. 128). Тохтамыш был вынужден принять бой, так как оставлять за спиной столько активного противника было крайне опасно (рис. 4 ж). В результате Омар-шейх дождался подхода других чагатайских войск, после чего золотоордынцы отступили (рис. 4 з).

Подводя итог, отметим, что Амиру Темуру удалось максимально эффективно использовать мобилизационный потенциал своего государства. Из оседлого населения Хорасана и Мавераннахра были созданы подразделения пеших лучников (а позднее и арбалетчиков), обученных сражаться под прикрытием больших станковых щитов-*чанаров*. В свою очередь, лояльные племена кочевников исправно поставляли в войска Темура многочисленные и хорошо вооруженные кавалерийские подразделения. Тщательно продуманное боевое построение, основой которого являлся тактический «каркас» из

²⁴ Традиция снабжать центральный корпус специальным фланговым охранением сохранилась в боевой практике многих мусульманских народов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Так, например, она фиксируется у крымских татар середины XVII в. (Бобров, 2016а, - С. 329–321).

усиленных *канбулов*, мощного авангарда и резерва (составленного из отборных воинов), позволяло эффективно противостоять охватам и фронтальным атакам противника. При этом данное боевое построение было приспособлено для быстрого перехода от обороны к стремительной массированной контратаке, проводимой силами авангарда и *канбулов*, выдвинутых в сторону противника. Уязвимость ослабленных фланговых корпусов частично компенсировалась за счет применения стрелковых пехотных подразделений, к которым присоединялись спешивавшиеся конные лучники. Концентрированный лучной удар стрелков, как правило, останавливал атаку противника и создавал условия для перехода в контрнаступление. Исключительно важную роль играла организационно-тактическая автономность корпусов-*кулов*, которые могли самостоятельно вести бой даже в условиях прорыва фронта и окружения. Спешившись и прикрывшись щитами, воины атакованного корпуса могли продержаться до подхода деблокирующего отряда. В условиях данной тактической схемы мобильный резерв, находящийся под личным командованием Амира Темура мог быть использован, как для отражения вражеской атаки, так и для усиления наступающего порыва войск.

В целом, необходимо признать, что тактическое искусство Амира Темура существенно превосходило достаточно простую по содержанию тактику европейских полководцев второй половины XIV – начала XV вв. Прямые столкновения чагатайских войск с армиями Золотой Орды, Делийского султаната, Мамлюкского Египта и Османской империи подтвердили исключительную эффективность военной машины Мавераннахра. В данной связи не будет большим преувеличением сказать, что в конце XIV – начале XV вв. армия Амира Темура являлась самой боеспособной и грозной вооруженной силой Евразийского континента, а значит и всего мира.